

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности статьи 120 и части 5 статьи 267
Уголовного-процессуального кодекса Кыргызской Республики,
в связи с обращениями Жорокулова М.М., Музулманова Т.У.,
Матцакова С.А. и Жаныбекова Н.Ж.

17 сентября 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе:
председательствующего – Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А.,
Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш.,
Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Маамыталы кызы К.,
с участием:

обращающейся стороны – Жорокулова Максатбека Мергенбаевича
и Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича;

стороны-ответчика – Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного
представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном
суде Кыргызской Республики;

третьих лиц – Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного
представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде
Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны,
представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности,
Байдылдаева Кумарбека Курманбековича и Калыгул уулу Бакыта,
представителей Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по

доверенности, Русланова Нурсултана Руслановича, представителя Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции в Конституционном суде Кыргызской Республики, Аскарлова Илгиза Камилжановича, Буранова Таалайбека Рахматиллаевича и Боромбаева Самидина Шарафудиновича, представителей Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности, Карабаевой Бермет Бактыбековны, представителя Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности статьи 120 и части 5 статьи 267 Уголовного-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились ходатайства Жорокулова М.М., Музулманова Т.У., Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж., и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Жолдошевой Л.Ч., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 4 сентября 2024 года поступило обращение Жорокулова М.М. и Музулманова Т.У. о признании части 5 статьи 267 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК) противоречащей части 2 статьи 24, части 1

статьи 61 и части 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики (далее – Конституция).

Как следует из обращения и приложенных к нему материалов, Следственным управлением Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики было возбуждено уголовное дело в отношении Пайзиева Ш.М., в рамках которого постановлением Ошского городского суда от 8 июня 2024 года он был временно отстранен от занимаемой должности начальника Управления капитального строительства мэрии города Ош. 30 июля 2024 года данное уголовное дело было прекращено.

Учитывая это, Пайзиев Ш.М. предполагал, что прокурор либо следователь, руководствуясь положениями оспариваемой нормы, обратятся в суд с ходатайством об отмене указанного постановления. Однако соответствующее ходатайство в суд направлено не было. В связи с этим 13 августа 2024 года он самостоятельно обратился в Ошский городской суд с ходатайством об отмене постановления о временном отстранении от должности. Определением суда от 16 августа того же года в удовлетворении ходатайства было отказано со ссылкой на часть 5 статьи 267 УПК, согласно которой право на такую подачу предоставлено только прокурору либо следователю.

Заявители считают, что ограничение права на обращение в суд исключительно для прокурора и следователя противоречит Конституции. По их мнению, часть 3 статьи 100 Конституции закрепляет принципы состязательности и равноправия сторон, реализация которых обеспечивается положениями глав 5 и 6 УПК, прямо определяющими, что сторонами уголовного процесса являются обвинение и защита. Однако действующее регулирование фактически лишает обвиняемого и его защитника возможности самостоятельно ходатайствовать об отмене постановления следственного судьи, в результате чего нарушается процессуальное равновесие между сторонами.

Более того, такое положение фактически делает невозможным осуществление одного из основополагающих прав человека — права на

судебную защиту, гарантированного частью 1 статьи 61 Конституции. А это по своей сути свидетельствует о его утрате в конституционно значимом объеме.

В подтверждение своей позиции заявители ссылаются на решения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 12 февраля и 31 октября 2014 года, в которых отмечено, что право каждого на судебную защиту предполагает обязанность государства создавать условия, обеспечивающие эффективное и справедливое рассмотрение всех существенных вопросов, связанных с определением прав и обязанностей сторон. При этом любые ограничения данного права должны быть соразмерными и обусловленными необходимостью защиты конституционных ценностей.

С учетом изложенного, Жорокулов М.М. и Музулманов Т.У. просят признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 26 сентября 2024 года ходатайство было принято к производству.

В Конституционный суд 5 марта 2025 года поступило ходатайство Матцакова С.А. и Жаныбекова Н.Ж. о проверке конституционности статьи 120 УПК в той мере, в какой она не предусматривает право обвиняемого и его защитника, а также других участников процесса обращаться в суд с ходатайством об отмене постановления о временном отстранении от должности и обжаловать соответствующие судебные постановления.

По мнению заявителей, оспариваемая норма противоречит ряду положений Конституции. В частности, статье 57, закрепляющей презумпцию невиновности, поскольку временное отстранение фактически воспринимается как преждевременная санкция до вынесения приговора. Статье 42, гарантирующей каждому право на труд, свободный выбор профессии и рода деятельности, а также справедливые условия труда и вознаграждения. Применение меры в виде временного отстранения от должности делает практически невозможным продолжение трудовой деятельности, получать заработную плату и обеспечивать достойный уровень жизни для себя и своей семьи, что выходит за пределы допустимого вмешательства в сферу трудовых

прав и приобретает характер наказания. Статье 61, обеспечивающей каждому право на судебную защиту, поскольку отсутствие права на обжалование ограничивает обвиняемого в доступе к эффективным механизмам пересмотра судебных решений. Статье 100, закрепляющей равноправие и состязательность сторон, так как сторона защиты находится в неравных процессуальных условиях.

В подтверждение своих доводов заявители ссылаются на дело Рыскул уулу Т., который постановлением следственного судьи Первомайского районного суда города Бишкек от 27 ноября 2024 года был временно отстранен от должности старшего инспектора отдела правоприменительной практики Управления патрульной службы милиции по Главному управлению внутренних дел города Бишкек в связи с уголовным делом в отношении него. При этом, несмотря на наличие приказа о его понижении и фактическое прекращение дела, мера продолжала действовать, а обжаловать постановление суда было невозможно.

Исходя из изложенного, заявители просят признать статью 120 УПК неконституционной в той части, в какой она исключает право обвиняемого и его защитника на судебную защиту и пересмотр решений о временном отстранении от должности.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 18 марта 2025 года ходатайство было принято к производству.

В связи с однородностью требований в указанных выше обращениях, в соответствии с требованиями пункта 1 части 1 статьи 32 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», определением судьи-докладчика от 18 марта 2025 года дела по ним соединены в одно конституционное судопроизводство.

Позднее Жаныбеков Н.Ж. представил дополнение к ходатайству, в котором обратил внимание на трудовые и социальные последствия применения меры в виде временного отстранения от должности. По его мнению, такая мера обуславливает значительные материальные потери, негативно отражается на социальном положении семьи и создает реальные

препятствия для последующего возвращения к профессиональной деятельности и восстановлению деловой репутации.

Он также отметил, что отсутствие эффективных правовых механизмов, позволяющих оспаривать применение данной меры, усиливает указанные негативные последствия, поскольку не обеспечивает лицу действенных средств судебной защиты нарушенных трудовых и социальных прав. В этой связи заявитель сослался на международно-правовые гарантии права на судебную защиту и пересмотр судебных решений, подчеркнув, что их нереализация повышает риск необратимости судебных ошибок и снижает доверие к судебной системе.

Обосновывая заявленные доводы, он отметил, что в законодательстве ряда государств, в том числе Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Узбекистан, предусмотрены правовые механизмы защиты трудовых и процессуальных прав лиц, временно отстранённых от должности. К ним относятся, в частности, сохранение части заработной платы и право на обжалование соответствующих судебных актов.

По мнению заявителя, внедрение аналогичных гарантий в национальное законодательство Кыргызской Республики способствовало бы обеспечению принципа справедливости и надлежащей защите социально-экономических прав граждан.

В ходе судебного заседания обращающиеся стороны поддержали представленные доводы, подтвердили заявленные требования и просили удовлетворить их в полном объеме.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранова С.К. выразил несогласие с доводами заявителей и считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции.

В обоснование своей позиции представитель отметил, что в соответствии с общими принципами уголовного судопроизводства, закрепленными в УПК, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а органы и должностные лица, осуществляющие уголовное

преследование, обязаны строго соблюдать положения Конституции и законодательства.

Развивая данную позицию, Ысыранов С.К. сослался на часть 1 статьи 117 УПК, согласно которой органы, ведущие уголовное судопроизводство, вправе применять предусмотренные кодексом меры обеспечения, направленные на поддержание порядка и надлежащее исполнение приговора.

Одной из таких мер является временное отстранение обвиняемого от должности, регулируемое статьей 120 УПК. Эта мера применяется следователем, прокурором или судом при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, оставаясь на занимаемой должности, может воспрепятствовать объективному расследованию либо продолжить преступную деятельность.

Представитель подчеркнул, что временное отстранение не является наказанием, носит временный и обеспечительный характер и направлено исключительно на защиту интересов правосудия, включая предотвращение давления на участников процесса.

Поэтому, по мнению Ысыранова С.К., предоставление обвиняемому права на самостоятельное обжалование постановления следственного судьи о временном отстранении от должности может привести к снижению его эффективности и, впоследствии, затягиванию сроков досудебного производства. Дополнительно он указал на необходимость соблюдения тайны предварительного следствия, что также оправдывает установление ограниченного круга субъектов, уполномоченных инициировать или отменять применение этой меры.

Сторона-ответчик отметил, что в случаях, когда отпадает необходимость в применении меры временного отстранения от должности, она отменяется постановлением следственного судьи по ходатайству прокурора или следователя, а в судебном разбирательстве — судьей или судом, что подтверждает ее временный характер (часть 5 статьи 267 УПК).

Кроме того, Ысыранов С.К. указал на статью 13 УПК, закрепляющую принцип обеспечения судебной защиты на всех стадиях уголовного процесса, отметив, что данный принцип конкретизирован в разделе V УПК, регулирующем порядок обращения с процессуальными ходатайствами, а также обжалование действий и решений органов дознания, следователя, прокурора и других должностных лиц, затрагивающих права и интересы участников уголовного процесса.

В заключение Ысыранов С.К. подчеркнул, что в случае вынесения оправдательного приговора лицо, временно отстраненное от должности, имеет право на реабилитацию, включая восстановление в должности и компенсацию за вынужденный прогул.

Таким образом, по мнению стороны-ответчика, действующее законодательство содержит все необходимые и достаточные гарантии защиты прав обвиняемого и соответствует Конституции.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Молдобаев А.Т., разделяя позицию стороны-ответчика, также отметил, что оспариваемые нормы не противоречат Основному закону. По его мнению, в соответствии с частью 2 статьи 23 Конституции права и свободы могут быть ограничены законом в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка и прав других лиц, при условии соблюдения принципа пропорциональности.

Исходя из данного конституционного положения, он пояснил, что временное отстранение от должности является предусмотренной законом мерой, направленной на обеспечение целей уголовного судопроизводства, и применяется с соблюдением принципа соразмерности вмешательства. Необходимость ее применения определяется индивидуально, исходя из обстоятельств дела и личности обвиняемого, а суд обязан проверять обоснованность доводов следователя, что исключает произвольное применение меры. Он подчеркнул, что временное отстранение не носит карательного характера, не означает признания вины и подлежит отмене при

отпадении оснований, поэтому доводы заявителей о нарушении презумпции невиновности несостоятельны.

Молдобаев А.Т. также отметил, что временное отстранение не ограничивает право на труд, поскольку препятствует лишь занятию конкретной должности, не исключая возможности трудиться в другой сфере. В случае оправдания или прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям лицо подлежит восстановлению в должности с компенсацией в период временного недопущения к работе.

Касаясь отсутствия самостоятельного права обвиняемого и его защитника обжаловать решение об отстранении, представитель оставил этот вопрос на усмотрение Конституционного суда, одновременно указав необходимость законодательного урегулирования порядка компенсации за время применения данной меры, учитывая, что она осуществляется по инициативе государства.

Представитель Верховного суда Сапиянова М.Н. также указала, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции. По ее мнению, установленный порядок рассмотрения ходатайств об отмене временного отстранения соответствует концепции уголовного судопроизводства и обеспечивает баланс между индивидуальными правами и интересами правосудия. Мера направлена на предотвращение вмешательства в следствие, давления на свидетелей и потерпевших, а также на недопущение использования должностного положения вопреки закону. Сапиянова М.Н. подчеркнула, что конституционные гарантии пересмотра судебных актов не являются абсолютными и реализуются в пределах, установленных законом, что обеспечивает устойчивость судебных решений и соблюдение принципа окончательности правосудия.

Представитель Генеральной прокуратуры Байдылдаев К.К. поддержал позицию стороны-ответчика и отметил, что оспариваемые нормы соответствуют Конституции. Он привел статистические данные, согласно которым в 2023 году судами было рассмотрено 89 материалов по статье 120

УПК, в 2024 году — 187, а за шесть месяцев 2025 года — 77. При этом, как он отметил, нарушений прав сторон при их рассмотрении не установлено.

Комментируя дело Пайзиева Ш.М. по первому ходатайству, Байдылдаев К.К. пояснил, что он был освобожден от уголовной ответственности по части 4 статьи 210 Уголовного кодекса, предусматривающей присвоение или растрату вверенного имущества в особо крупном размере. При этом, с учетом примечания к данной статье, освобождение было произведено в связи с возмещением ущерба, то есть не по реабилитирующим основаниям.

Он указал, что отмена временного отстранения от должности прямо не предусмотрена специальными нормами, закрепленными в статьях 251–260 УПК. Вместе с тем после прекращения уголовного дела следователь направляет материалы прокурору, который в установленный срок принимает соответствующее решение, в том числе об отмене временного отстранения. Следовательно, временное отстранение от должности является мерой процессуального обеспечения, а порядок его отмены вытекает из общих положений УПК и не требует отдельной регламентации.

По второму ходатайству относительно дела Рыскул уулу Т., Байдылдаев К.К. уточнил, что тот не был уволен, а лишь понижен в должности на основании служебного расследования, что относится к дисциплинарной, а не уголовно-процессуальной сфере. Поэтому, по его мнению, связывать данные процедуры некорректно. Он подчеркнул, что все примененные меры соответствовали нормам служебной этики и действующему законодательству.

Представитель Государственного комитета национальной безопасности Русланов Н.Р., изложил доводы, схожие с позицией указанных государственных органов.

Постоянный представитель Министерства юстиции Джаркынбаев А.Д. также полагает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции.

Он подчеркнул, что положения УПК предусматривают участие обвиняемого и защитника в рассмотрении ходатайства об отстранении, возможность представления возражений и заявлений, что гарантирует доступ

к правосудию. При этом, по его мнению, отсутствие самостоятельного права на обжалование не исключает судебной защиты, а лишь определяет процессуальные рамки реализации этого права.

В то же время, Джаркынбаев А.Д. отметил, что норма части 6 статьи 267 УПК, исключая возможность обжалования определения следственного судьи, требует дополнительной оценки с точки зрения принципа пропорциональности и обеспечения эффективной судебной защиты. Он предложил рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательство, обязывающих следователя при прекращении уголовного дела одновременно решать вопрос об отмене временного отстранения.

Представители Министерства внутренних дел Аскаров И.К., Буранов Т.Р. и Боромбаев С.Ш. поддержали позицию Генеральной прокуратуры, отметив, что действующее регулирование обеспечивает баланс интересов государства и личности. Для социальной защиты сотрудников, отстраненных от должности, предусмотрены выплаты: за первые два месяца — 50% должностного оклада с сохранением надбавок, за третий и четвертый — надбавки за звание и выслугу лет. Это, по их мнению, подтверждает наличие правовых и социальных гарантий, делающих пересмотр норм излишним.

Представитель Министерства труда, социального обеспечения и миграции Карабаева Б.Б. пояснила, что трудовое законодательство регулирует лишь отстранение от работы, а не от должности, и не дублирует процессуальные нормы УПК. Она отметила, что в действующем Трудовом кодексе дополнительно закреплена возможность выплаты заработной платы в период судебного разбирательства, что направлено на социальную защиту работников.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той

части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу являются статья 120 и часть 5 статьи 267 Уголовно-процессуального кодекса, изложенные в следующей редакции:

«Статья 120. Временное отстранение от должности

1. В ходе следствия следственный судья, а в судебном производстве - суд по ходатайству следователя, прокурора или потерпевшего вправе временно отстранить от должности обвиняемого при наличии достаточных оснований полагать, что, оставаясь на должности, он будет препятствовать объективному расследованию и разбирательству дела в суде или продолжать заниматься преступной деятельностью.

2. Копия постановления о возбуждении ходатайства о временном отстранении от должности с приложенными документами, подтверждающими обоснованность ходатайства, вручается следователем, прокурором обвиняемому, его адвокату не позднее 3 часов до подачи его следственному судье, в суд.

3. Постановление следственного судьи, судьи, определение суда о временном отстранении обвиняемого от должности направляется по месту его работы руководителю организации, который в 3-дневный срок после получения обязан исполнить и уведомить об этом следователя, прокурора или суд.

4. Временное отстранение обвиняемого от должности отменяется постановлением судьи, определением суда, когда отпадает необходимость в применении этой меры.».

«Статья 267. Порядок рассмотрения ходатайства о временном отстранении от должности

5. Временное отстранение обвиняемого от должности отменяется постановлением следственного судьи по ходатайству прокурора, следователя, в судебном разбирательстве судьей, судом, когда отпадает необходимость в применении этой меры.».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 16 ноября 2021 года №122-133, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. В соответствии с частью 1 статьи 1 Конституции Кыргызская Республика является правовым государством.

Конституционный принцип правового государства и категория правопорядка находятся в диалектической взаимосвязи. Принцип правового государства задает нормативно-ценностные ориентиры развития всей правовой системы, а правопорядок является их конкретной институциональной и практической реализацией. Иными словами, правопорядок представляет собой форму материализации идеи правового государства в общественной жизни, поскольку именно через устойчивый и гарантированный правопорядок обеспечивается верховенство права, реальное признание и защита прав и свобод личности, а также предсказуемость и стабильность функционирования всей системы государственной власти. В свою очередь, без правового государства невозможно формирование правопорядка, соответствующего конституционным стандартам, что подчеркивает их взаимозависимый и взаимообусловленный характер.

Правопорядок в его динамическом понимании — это не просто состояние законности, а способность государственного механизма адекватно и легитимно реагировать на его нарушения. Преступление — это наиболее грубый вызов правопорядку, акт, дестабилизирующий социальные отношения и подрывающий публичную веру в справедливость. Досудебное производство представляет собой первичную официальную реакцию государства на этот вызов. В отличие от суда, который выносит вердикт в условиях гласности и состязательности, расследование действует в «полевых условиях», где информация хаотична, доказательства скрыты, а обстоятельства требуют реконструкции. Именно на этой стадии хаотическое событие преступления

трансформируется в упорядоченный, формализованный юридический факт, облеченный в процедурную форму. Без этого этапа любое последующее правосудие было бы невозможным.

3. Досудебное производство как институциональная реакция государства на вызов правопорядку не является стихийным или произвольным действием. Оно осуществляется в рамках строго определенного процессуального поля, выстроенного Конституцией и уголовно-процессуальным законом.

Реализация данной функции возлагается на специально уполномоченные государственные институты, осуществляющие уголовное преследование. К их числу относятся органы дознания, следствия, прокуратуры и следственные судьи, деятельность которых направлена, прежде всего, на процессуальное выявление истины, а точнее, установление обстоятельств совершенного преступления, выявление виновного лица и процессуальное закрепление доказательств, подлежащих окончательной оценке судом.

Для выполнения этих задач уголовно-процессуальный закон предусматривает широкий комплекс процессуальных средств. Особое значение среди них имеет система мер обеспечения уголовного судопроизводства (раздел IV УПК). Так, к ним относятся, в частности, задержание, меры пресечения (заключение под стражу, домашний арест, залог, подписка о невыезде и другие) и иные меры обеспечения уголовного судопроизводства (временное отстранение от должности, привод, арест имущества, наложение денежного взыскания).

Важно подчеркнуть, что с одной стороны, именно посредством их применения достигаются цели досудебного производства, а с другой — они в наибольшей степени сопряжены с ограничением конституционных прав и свобод личности.

В этой связи меры обеспечения уголовного судопроизводства выступают не только как необходимые инструменты эффективности расследования, но и как индикатор состояния правопорядка. От характера их применения зависит

баланс между публичными интересами и индивидуальными гарантиями, доверие общества к принципу верховенства права и легитимность самой государственной реакции на преступление. Поэтому их использование допустимо исключительно при наличии четкой правовой регламентации, соблюдении принципов соразмерности и необходимости, а также своевременном реагировании уполномоченными органами в пределах установленных процедур. Это исключает произвольное вмешательство в сферу личной свободы.

4. Как уже выше отмечалось, одной из мер обеспечения уголовного судопроизводства является временное отстранение от должности. Порядок применения и отмены данной меры закреплен в статьях 120 и 267 УПК. Эти нормы предусматривают, что в ходе уголовного производства по ходатайству следователя, прокурора либо потерпевшего, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, оставаясь на должности, может воспрепятствовать объективному расследованию и рассмотрению дела в суде либо продолжить заниматься преступной деятельностью, суд вправе временно отстранить его от должности.

Необходимо отметить, что цели применения указанной меры производны от общих оснований избрания мер процессуального принуждения и сводятся к предотвращению ситуаций, когда обвиняемый, используя свое служебное положение, способен воспрепятствовать установлению истины по делу. Временное отстранение применяется при наличии реального риска продолжения преступной деятельности, оказания давления на участников процесса для склонения их к определенным действиям или решениям, уничтожения либо фальсификации доказательств, а также иного вмешательства в ход уголовного судопроизводства. По своей правовой природе эта мера носит исключительно превентивный и обеспечительный характер. Она не направлена на наказание лица, а служит средством устранения обстоятельств, объективно угрожающих эффективности, беспристрастности и законности уголовного процесса.

Вместе с тем, временное отстранение от должности не является мерой бессрочного характера и подлежит отмене, если отпадают обстоятельства, обусловившие его применение. Такое регулирование направлено на обеспечение строго временного характера этой меры и связывает ее существование исключительно с необходимостью устранения угроз для объективности уголовного судопроизводства. Соответственно, продолжительность применения временного отстранения должна быть соразмерна поставленным задачам и ограничиваться исключительно сроком существования оснований, тем самым, предотвращая неоправданное сохранение ее действия и произвольное ограничение трудовых и иных прав обвиняемого.

5. Временное отстранение от должности как мера обеспечения уголовного судопроизводства непосредственно затрагивает конституционное право на труд в той его части, которая связана с возможностью продолжать осуществлять трудовую деятельность и пользоваться связанными с ней гарантиями. Применение данной меры означает, что обвиняемый временно лишается права исполнять свои служебные обязанности и получать обусловленные этим трудовые блага. Такое вмешательство, по своей сути, ограничивает не абстрактную свободу выбора профессии, а право лица сохранять свою должность и обеспечивать условия существования посредством труда.

Конституционный суд в своих решениях отмечал, что право на труд включает не только свободу выбора, но и возможность его практической реализации при сохранении условий и гарантий труда. В этой связи свобода труда и право на труд должны рассматриваться как взаимодополняющие категории, определяющие фундаментальные правовые основы жизни и деятельности трудоспособных граждан. Однако Конституция допускает возможность введения ограничений в сфере труда, если они преследуют конституционно значимые цели, от которых зависит безопасность общества. Такие ограничения допустимы исключительно законом и должны

соответствовать требованиям соразмерности (от 4 июля 2014 года, 15 апреля 2015 года, 19 сентября 2018 года и 6 марта 2019 года).

Исходя из этого, временное отстранение от должности может рассматриваться как допустимое ограничение права на труд, но лишь постольку, поскольку оно необходимо для защиты интересов правосудия, общественного порядка и прав других лиц. Установив, что решение об отстранении может быть принято только судом, законодатель обеспечил дополнительную гарантию защиты конституционных прав личности и исключил возможность произвольного вмешательства в сфере трудовых прав.

При этом вопросы, касающиеся сохранения заработной платы и предоставления иных выплат в период временного отстранения от должности, урегулированы действующим трудовым и специальным законодательством. Иными словами, вопросы оплаты труда при временном отстранении от должности относятся к предмету трудового и иного отраслевого законодательства и не является частью уголовно-процессуального регулирования.

Следует отметить, что решение о временном отстранении от должности может быть принято только судом. Судебный порядок исключает произвольное вмешательство органов уголовного преследования и гарантирует, что вопрос об ограничении трудовых прав разрешается в условиях равенства сторон и состязательности. Обвиняемый и его защитник наделены возможностью представить свои доводы и возражения, что обеспечивает объективность разрешения этого вопроса.

В соответствии со статьями 61 (часть 1), 94 (часть 1), 95 (часть 1) и 100 Конституции, именно суд как орган правосудия призван обеспечивать справедливую процедуру и надлежащее соблюдение прав личности при решении вопросов, связанных с их ограничением. В этой связи УПК регламентирует применение временного отстранения на разных стадиях производства: на досудебной стадии вопрос рассматривается следственным судьей, осуществляющим контроль за действиями органов дознания и следствия, а в судебном разбирательстве — непосредственно судом,

рассматривающим уголовное дело по существу. Такой механизм обеспечивает независимую оценку обстоятельств дела и соответствие принципам законности и справедливости. Закрепив судебный порядок применения временного отстранения от должности, законодатель исходил из того, что речь идет о конституционно значимых правах, и предусмотрел судебный контроль как необходимое условие их охраны.

6. Вместе с тем, временный характер оспариваемой меры обуславливает необходимость ее обязательной отмены в случаях прекращения уголовного дела, поскольку отпадает сама правовая основа для ее действия. Соответственно, прекращение уголовного дела, являясь одной из форм окончания уголовного преследования, влечет устранение всех связанных с ним правовых последствий, возникших в ходе его расследования.

На стадии досудебного производства устранение последствий прекращения дела возлагается на следователя. Принимая решение о прекращении уголовного дела, он обязан не только отменить меры процессуального принуждения, наложенные им самим, но и незамедлительно обратиться к следственному судье с ходатайством об отмене временного отстранения от должности. Такая обязанность обусловлена тем, что прекращение уголовного дела устраняет правовую основу для дальнейшего действия данной меры, однако ее прекращение может быть осуществлено исключительно в судебном порядке. Следовательно, инициирование судебной отмены является необходимым элементом полного процессуального разрешения дела и условием охраны конституционных прав лица.

В то же время часть 5 статьи 267 УПК предоставляет следователю и прокурору лишь право ходатайствовать об отмене временного отстранения от должности, но не устанавливает их прямой обязанности действовать незамедлительно при отпадении оснований. Такая неполнота регулирования на практике создает риск произвольного продления действия меры и неоправданного ограничения прав лица, что несовместимо с конституционными принципами законности, справедливости и судебной защиты.

В этой связи, для устранения пробела и обеспечения полноты процессуальных действий, статья 258 УПК, регулирующая порядок прекращения уголовного дела на досудебной стадии, должна прямо предусматривать обязанность следователя и прокурора разрешать вопрос об отмене временного отстранения от должности наряду с отменой мер пресечения, мер обеспечения возмещения материального и (или) морального вреда, а также конфискации имущества.

Аналогичный подход должен быть реализован и в судебных стадиях уголовного процесса. Суд, руководствуясь положениями УПК, обязан рассматривать вопрос об отмене временного отстранения от должности как при прекращении уголовного дела, так и при постановлении приговора независимо от того, является ли он обвинительным либо оправдательным.

Отражение таких действий в процессуальных решениях следователя, прокурора и суда обеспечивает полноту и завершенность уголовно-процессуального разрешения, исключая сохранение ограничений, утративших правовое основание.

Реализация права на судебную защиту в этом случае обеспечивается посредством процессуальных механизмов обжалования. Если следователь или прокурор не исполняют обязанность по инициированию отмены временного отстранения, их бездействие может быть обжаловано заинтересованными лицами в порядке статьи 125 УПК. Таким образом, право на обжалование выступает процессуальным средством реализации конституционного права на судебную защиту, обеспечивая устранение незаконных ограничений и восстановление нарушенных прав личности.

7. Относительно довода обращающейся стороны о противоречии статьи 120 УПК нормам Конституции в той мере, в какой она не предусматривает механизма обжалования постановления следственного судьи о временном отстранении от должности, Конституционный суд отмечает следующее.

Статья 120 УПК по своему содержанию имеет иное регулятивное воздействие: она определяет основания, условия применения и порядок

отмены меры процессуального принуждения, но не регулирует вопросы ее обжалования. Вопросы допустимости и пределов обжалования постановлений следственного судьи о временном отстранении урегулированы частью 6 статьи 267 УПК, которая прямо устанавливает запрет на их обжалование. Однако указанная норма не была предметом обращения и, следовательно, не подлежит проверке в рамках настоящего конституционного производства. Исходя из этого, статья 120 УПК не может рассматриваться как норма, ограничивающая право на обжалование постановления следственного судьи, и ее конституционность в указанном аспекте оценке не подлежит.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать статью 120 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 1 статьи 42, части 1 статьи 57, частям 1 и 2 статьи 61, части 4 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

2. Признать часть 5 статьи 267 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 2 статьи 24, части 1 статьи 61 и части 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

3. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части настоящего Решения.

4. До внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики законодателем, отмена временного отстранения обвиняемого от должности в случае отпадения необходимости в применении данной меры по ходатайству прокурора или следователя постановлением следственного судьи, а на стадии судебного разбирательства постановлением судьи или суда, должна рассматриваться как

обязательное действие, подлежащее исполнению прокурором, следователем, следственным судьей, судьей и судом при прекращении уголовного дела.

5. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

6. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

7. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**